

— Сюда всё сгружать, в сам двор, Сюн-фулан? — спросил возчик, вежливо склонившись. Перед отъездом их господин лично велел: чтобы бы в доме Сюн выполнили всё, что ни попросят, и не просто выполнили, а чтобы всё было сделано с душой, чтобы хозяева остались довольны. Так что, хоть сам он и считал диковинкой везти за тридевять земель несколько телег глиняных кирпичей, виду не подал, а напротив — был ещё почтительнее.

Тан Шоу торопливо закивал:

— Да, сложите прямо во дворе. Только аккуратно, умоляю — не побейте.

— Будьте спокойны, Сюн-фулан, — рассмеялся возчик. — Ни один не треснет. А если вдруг и треснет — за каждый разбитый я вам сразу два возьму.

Тан Шоу недовольно скривил губы:

— И как вы это возместите? У нас тут земля зимой твёрже камня. Если бы не так, кто бы стал из-за какой-то глины тащиться аж из столицы? У вас там что ли луна круглее, чем в нашей деревне Синхуа?

Возчик засмеялся:

— А наш господин обо всём заранее подумал. Мы ж не только кирпичи везём — с нами ещё и целая телега рассыпной глины. Он велел сложить её в корзины, чтобы на морозе не смерзлась. Если уж что и побьётся в дороге, можно будет занести одну из корзин в дом, размять — и вылепить новый кирпич, как ни в чём не бывало.

— Вот уж и впрямь — всё до мелочей предусмотрел, этот второй господин Цзинь, — сказал Тан Шоу, кивнув на кирпичи: — Эти целы. А глина?

— Вся вам. Мой господин сказал — считайте, подарок от него.

Кто вообще додумывается дарить глиняные кирпичи в подарок? Но в этот момент Тан Шоу относился к ним как к настоящей драгоценности и не уставал благодарить.

Возчики вместе с Сюн Чжуаншанем один за другим аккуратно переносили кирпичи с повозок во двор, действуя крайне осторожно, будто хрусталь таскали — лишь бы ни один не треснул. Складывали их тоже ровно, аккуратно, с явной старательностью.

Любопытные односельчане начали подтягиваться поближе. Один из них, улыбаясь до ушей, подошёл и с любопытством спросил:

— Сюн-фулан, а зачем вам эти кирпичи? Наверное, стоили немало?

Тан Шоу кивнул:

— Да, обошлись в порядочную сумму. А зачем — сейчас не скажу. Погодите немного, скоро сами всё увидите.

— Ну и что тут такого секретного? — не отставал деревенский. — Давайте я помогу вам их перетаскать, а вы мне в ответ расскажете.

Он уже тянул руки, собираясь ухватить один из кирпичей, но Тан Шоу поспешно перехватил его за запястье. Нет уж! Если он и правда поможет, а Тан Шоу всё равно не скажет — это как-то неловко. А сказать... да он же на этих кирпичях деньги заработать рассчитывает!

Как на грех, в этот самый момент, вернувшись с очередной ходки, Сюн Чжуаншань как раз наткнулся на эту сцену. Его взгляд сразу впился в руки, почти соприкоснувшиеся в воздухе. В глазах у мясника тотчас пошёл мороз.

Деревенский хотел что-то объяснить, да слова будто примерзли к горлу — как ни открывал рот, ни звука. Только и смог, что в ужасе смотреть, как огромный Сюн Чжуаншань идёт к ним с ледяным лицом. А дальше его ноги, не спросив головы, сами что-то решили — и он стремглав, спотыкаясь, с испугу дал стрекача.

— Глянь-ка, — хохотнул кто-то, — мясник Сюн ещё и не сделал ничего, а тот уже в штаны наложил со страху!

— Ай-ай-ай, и правда! Гляди, весь зад мокрый! Вот же трус, — с усмешкой воскликнул кто-то из деревенских.

— Тьфу, не гони! — тут же подхватил другой. — Представь, это ты бы лапал Сюн-фулана за руку, и мясник Сюн увидел бы... Уверен, домой вернулся бы и все распродал, лишь бы заказать себе железное кольцо на шею — а то вдруг мясник ночью в дом прокрадётся и перережет тебе глотку!

— Не говори, а! — заржал кто-то. — Прямо в точку, ха-ха!

Тан Шоу: «...»

Слушая все эти пересуды, он вдруг почувствовал себя так, словно и впрямь кого-то тайно совратил. Неловко как-то... И не поймёшь, с чего стыдиться. Бросив осторожный взгляд на Сюн Чжуаншаня, Тан Шоу увидел, что тот — как огромный мрачный медведь — идёт к нему с угрюмой физиономией, и сразу почувствовал боль в заднице. Только он собрался было отступить, но тут в голову ударила другая мысль: если он сейчас отскочит, этот глупый медведь ещё чего доброго всё превратно поймёт — а потом заведётся с полоборота, схватит его, утащит на кровать и... А дальше хоть со двора не выходи, позору не оберёшься.

С этой мыслью его ноги вросли в землю.

Сюн Чжуаншань, не говоря ни слова, поднял руку и крепко притянул Тан Шоу к себе, обняв в явной демонстрации прав на собственность, и встал рядом, как вкопанный, даже не думая возвращаться к работе.

Что до братьев Чжэн, которые как раз выходили из дома — так те, едва заметив это, даже не осмелились заикнуться о помощи с кирпичами. Да вы что! Разве не видно — мясник Сюн рассержен? Им что, жить надоело, чтобы сейчас ещё и под руку подлезть?

— Эм... Сюн-фулан, Сюн-эрлан, — пробормотал один из них. — Я... я вот... э-э, эти подошвы, я... я унесу с собой, как закончу, обратно вам принесу, хорошо?

— Угу, — кивнул Тан Шоу, лицо у него пылало жаром. Ну и позорище... Неужто он и правда чересчур боится этого огромного глупого медведя? Хотя... кто бы на его месте не притих, если хоть раз оказался под этим медведем, когда тот решил "поговорить" по-своему — после такого каждый станет паинькой.

— Сюн-фулан, это задаток. Мы пока одну пару унесём, сделаем, — Ли-да-няньцзы тоже раскланялась и быстро увела своих родственниц восвояси.

Ушли они довольно далеко, а Ли-эр-сао всё оборачивалась и, прижимая руку к груди, бурчала с испуганным видом:

— Этот мясник Сюн правда жуткий... Взглядом как будто убить хочет! Насмерть испугалась...

Она всё ворчала себе под нос, а Ли-да-няньцзы, сделав вид, что не слышит, принялась объяснять младшим сёстрам, как правильно подшивать подошвы. Сноха бормотала, бормотала — да постепенно стихла. Её глазки, крошечные, как семечки, запрыгали вверх-вниз, как у крысы, что что-то вынюхивает:

— Слушай, а то, что ты говорила... правда? Он, этот мясник, просто с виду такой лютый, а на деле человек мягкий?

Ли-да-няньцзы не обернулась, только рассеянно бросила:

— Угу, Сюн-эр-лан хороший человек.

В глазах Ли-эр-сао немедленно заиграл расчёт.

А Тан Шоу тем временем мысленно прощался с жизнью. Все — все! — почуяли неладное и быстренько разбежались, а он один остался лицом к лицу с этим медвежьим ураганом. О, небо, пусть этот ураган уж лучше налетит посильнее — подлинный герой не прячется от... от ноющего зада!

Селяне, как по команде, отступили подальше. Никто не осмелился подойти помочь или хотя бы просто подслушать. Пять повозок кирпичей и ещё одна с рассыпчатой землёй — все вместе возчики возились почти час, обливаясь потом. Тан Шоу вежливо пригласил их остаться пообедать.

Хотя в династии Юй и не принято было устраивать обед, это вовсе не значило, что люди не голодны. В дороге — сухой паёк и ночёвки под открытым небом, а тут с порога — работа. Животы у них уже вовсю урчали. Так что, получив приглашение, отказа никто не сделал: собрались поесть, а потом оставить немного мелочи за угощение — вежливо и по-людски.

Все были крепкими, прожорливыми мужиками, так что Тан Шоу замесил тесто и сразу запарил две огромные паровые корзины кукурузных лепёшек. Чтобы уставшие в пути гости не мучились от жажды, он ещё и сварил большую кастрюлю жидкой каши из дроблёного проса и каштанов. В придачу к этому подал тушёную капусту с древесными грибами, жареные лесные грибы с яйцом, а на закуску — мясо, нарезанное тонкой соломкой и обжаренное с зелёным луком.

В семье Тан Шоу было своё масло, так что с жиром не скупилась — в блюдах масла было щедро, всё в них лоснилось и благоухало. Обычные, на первый взгляд, деревенские кушанья в доме Тан Шоу выглядели особенно аппетитно и ароматно. Гости ели, не поднимая головы, только хруст стоял, а палочки мелькали в руках как крылья стрекозы.

В доме Сюн, в отличие от прочих, имели привычку есть в полдень, так что Тан Шоу, чтобы не усложнять себе задачу, пригласил всех за общий стол.

И тут уж Сюн Чжуаншань показал, на что способен. Его палочки носились по тарелкам с армейской сноровкой, как будто на полевой кухне. Миг — и половины мяса как не бывало. Поднял глаза — а оно почти всё у него в чашке да у его супруга.

Несколько мужчин быстрее опустили палочки для еды и увидели еще одно остаточное изображение: промелькнула тень — и вот уже с яичницы исчезла большая часть. Куда делась? Конечно же, в чашку его супруга. Буквально за пару минут тарелка Тан Шоу превратилась в холмик, переваливший за край: и рис, и блюда навалены с горкой.

Сам Тан Шоу едва успел съесть четыре ложки, как поднял голову — а перед ним уже пустые блюда. Даже корзина с кукурузными лепёшками опустела.

Сюн Чжуаншань сидел довольный, обгладывая последнюю крошку, словно весь мир стал чуточку лучше. А мужчины вокруг уже приготовились — каждый ухватил по две лепёшки и держал их как зеницу ока, исподлобья поглядывая на мясника, лишь бы он не вздумал

посягнуть и на их долю.

Тан Шоу, разинув рот, с растерянным видом уставился на пустые тарелки, потом перевёл взгляд на свою собственную чашку, доверху набитую едой, и так испугался, что тут же стал торопливо загребать палочками, будто боялся, что сейчас и у него всё отнимут.

Несколько здоровяков неотрывно пялились на его чашку, но ни один даже не посмел подумать о том, чтобы сунуть туда палочки. Тан Шоу — хоть и мягкий человек, но рядом с ним сидел сам дьявол в лице мясника Сюна — и с ним никто связываться не хотел. В итоге мужчины просто налили в чашки остатки подливки, размешали с кашей и макали туда лепешки, доедая безмолвно, но с удовольствием.

— Сюн-фулан, скажу вам, у вас и вправду золотые руки, — похвалил один из возчиков. — Я как-то работал в доме своего господина, довелось однажды поесть, когда нас пригласили за стол. Тогда подумал — вот оно, еда небожителей! Но вот теперь поел вашей стряпни — и, знаете, как вспомню то угощение, уже не кажется оно таким уж изысканным. До вашего не дотягивает.

— Спасибо, спасибо, — засмутился Тан Шоу, но лицо у него сияло. Искренние похвалы этих простых, уставших людей растопили ему сердце. Если бы не нехватка провизии, он бы прямо тут же позвал их всех остаться на ужин и считал бы их своими «друзьями по ложке».

— Сюн-фулан, — снова заговорил возчик. — Мы в дороге уже больше десяти дней, все вымотались. Хотим немного передохнуть в деревне Синхуа. Не знаем, удобно ли будет попроситься к вам остановиться на пару ночей? Мы не бесплатно — в городе за ночлег в общем зале берут по одному вэню с человека. Мы вам такую же цену заплатим.

— Вы и сами видели, сколько глиняных кирпичей у меня во дворе, — сказал Тан Шоу. — Они мне нужны для ремонта дома, так что сейчас оставить вас у себя не получится. Но не волнуйтесь, в деревне есть несколько надёжных, добрых семей. Чуть позже муж вас к ним отведёт. Можете спокойно селиться, если что случится — сразу сообщайте мне или ему. Мы вас не обидим.

— В таком случае спасибо вам, — с поклоном ответил возчик и, достав несколько медных монет, положил их на стол: — Это за обед. Может, и маловато, не в обиде будь, Сюн-фулан — когда выезжали, с собой денег почти не брали.

— Не возьму, — тут же возразил Тан Шоу, отодвигая монеты. — Я ведь сам вас звал пообедать — в благодарность за то, что помогли мне с кирпичами. Не положено за это денег брать.

Видя, как решительно он отказывается, и понимая, что при всей своей искренности их несколько медяков и вправду выглядят жалко, мужчины не стали настаивать, но про себя крепко запомнили доброту семьи Сюн.

После обеда Сюн Чжуаншань сам отвёл их к одной из деревенских семей, где они могли

остановиться, а вернувшись, принялся затаскивать во двор глиняные кирпичи и корзины с рыхлой землёй.

В печке уже горел огонь — кирпичи и земля выставлялись на обогрев. Когда мёрзлая глина и сухая земля оттают, их можно будет размешать и начать выкладывать кан.

Причина всех этих хлопот с перевозкой глиняных кирпичей из далёкой столицы вовсе не в том, что в столице глина будто бы лучше или кирпичи особенные. Просто в их деревне Синхуа зимой было до того холодно, что земля промерзала намертво, становилась твёрже камня — и выкопать её было попросту невозможно, не то что вылепить из неё кирпичи.

Изначально Тан Шоу собирался как-то перезимовать с тем, что есть, а уж весной начать выкладывать тёплую лежанку. Но оказалось, что вытерпеть этот холод он не в силах. Здесь зима и впрямь была лютой — куда суровее, чем в его прошлом мире. Там хоть и говорили о глобальном потеплении, сам Тан Шоу всегда относился к этому скептически, но после того как пожил здесь хотя бы половину зимы, он уверовал окончательно. Теперь он понимал, почему в истории Поднебесной так часто зимой гибли старики и дети — это не преувеличение, это суровая реальность.

Так у него и возникло твёрдое намерение срочно обустроить тёплую глиняную лежанку. Нет местной глины? Ничего, привезут. Откуда — не так важно. Просто в этот момент подвернулся Цзинь Цзиньчэн, и Тан Шоу сразу поручил ему заняться перевозкой кирпичей.

— Муж, — сказал он, — потом сходи, позови старшего и младшего брата, пусть придут помогать выкладывать лежанку. Но учти, я не просто так им это показываю. Я хочу, чтобы они научились — и помогли нам на этом заработать. Я привёз столько кирпичей — на одну нашу семью их не израсходуешь, хоть десять лежанок клади. А вот если продать... Поверь мне, как только богатые дома узнают, что зимой можно согреться вот такой штукой, сами в очередь выстроятся, желая отдать нам серебро — только бы им тоже сделали.

— Но ведь у нас теперь бизнес, — продолжил Тан Шоу. — Гости могут прийти в любую минуту. А я один дома не справлюсь. Если вдруг кто с дурными намерениями — я же не отобьюсь. Так что ты обязательно должен остаться дома. А выкладывать кан пусть идут другие. Но чужим я не доверяю — боюсь, украдут ремесло. Нужно звать своих братьев: один вложит материалы, другие — труд, и каждый потом будет зарабатывать по-честному, со своей доли.

— Ладно, — кивнул Сюн Чжуаншань. — Сейчас схожу, позову их.

— Кан? А это что ещё такое? — удивился Сюн Чжу. На вид — обычные глиняные кирпичи, но чем дальше, тем интереснее.

Тан Шоу вкратце объяснил технику устройства тёплой лежанки. Несколько слов — и мужчины сразу всё поняли. Крестьянские дома они с детства строили своими руками, так что тут стоило лишь навести на мысль, и всё остальное складывалось само.

Когда глина и кирпичи оттаяли и стали податливыми, трое братьев взялись за дело. Семья Сюн зажила немного получше совсем недавно, так что мебели в доме было немного. Основное — это та самая маленькая деревянная кровать, которую просто вынесли в переднюю комнату.

А Тан Шоу, при всей своей начитанности, в деле оказался обузой. Только мешался под ногами: стоило ему хоть что-то начать делать, как всё сразу шло наперекосяк. Попытался помочь несколько раз — стало только хуже. В конце концов братья сказали ему не вмешиваться. Лишь в те моменты, когда возникали неясности, они обращались к нему за теоретическим пояснением, а потом снова втроем совещались, пробовали, перепроверяли. Так к вечеру, перед самыми сумерками, лежанку, которую Тан Шоу так долго описывал, они наконец выложили.

Получилась самая настоящая глиняная лежанка — такая же, как каны в его прошлом мире, в северо-восточных деревнях. По ту сторону стены, в кухне, располагалась огромная глиняная печь с массивной варочной поверхностью. На ней стоял здоровенный железный котёл, в который, казалось, можно было целиком уместить взрослого человека.

Подобные котлы в его прежнем мире были известны как «большой казан тушения» или «железный казан тушения». В своё время они были очень популярны, особенно в сельской местности. Но по мере того как города разрастались, а над одноэтажными домами вырастали всё новые многоэтажки, эти котлы постепенно исчезли из повседневной жизни. И всё же выросшие в таких домах люди начали тосковать по вкусам детства — по тому самому аромату, что шёл от домашних печей, где варилось, жарилось, тушилось. Этим и воспользовались предприимчивые рестораторы: они вновь начали устанавливать такие большие печи, делая большой казан своей фирменной особенностью, заманивая клиентов.

В самый разгар популярности железного казана Тан Шоу как-то ходил с друзьями в одну из таких заведений. Блюда, приготовленные в нём, действительно отличались от того, что выходит на газу или плитке, — в них был какой-то особый, трудноописуемый вкус. Его друзья называли этот вкус вкусом детства.

Тогда, в прежней жизни, Тан Шоу не особенно проникался всей этой ностальгией, а теперь вдруг остро понял, насколько необходим именно такой очаг. С тем, как Сюн Чжуаншань поедает пищу ведрами, наличие большого котла могло бы сэкономить немало сил и времени. Более того, из этого можно было бы развить целое направление — превратить его в кулинарную фишку деревни Синхуа. Если всё удачно устроить, это вполне может привлечь толпы гурманов.

*Кан - приблизительно с III-IV века китайцам был известен секрет создания печей на основе обычной топки - канов. Трубы образовывали вытяжку, которая распространяла тепло от очага, и одновременно с этим являлись дымоходом. А сама конструкция печи была спроектирована таким образом, что на ней можно было оборудовать большое место для лежания. Днем на

канах играли в карты и принимали пищу, а ночью расстилали постель и спали. Во время еды на кан ставили небольшой столик, вокруг которого семья садилась обедать или ужинать. Используется необожженный кирпич, который сохраняет тепло и долго остается теплым.

<http://bllate.org/book/13592/1205367>